КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 22

МОСКВА,
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1909

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: Л. С. Бакстомъ, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1) Городище восточныхъ славянъ, *Н. К. Рериха.*
2) Торгъ у восточныхъ славянъ, *В. М. Васнецова.*
3) Варяги, *В. М. Васнецова.*
4) Христіанство и язычество, *С. В. Иванова.*
5) Судъ во времена Русской Правды (X—XII вв.), *И. Я. Билибина.*
6) Вѣче, *А. М. Васнецова.*
7) Съѣздъ князей, *И. Я. Билибина.*

II. Суздальская Русь.

8) Новгородскій торгъ, *А. М. Васнецова.*
9) Баскаки, *С. В. Иванова.*
10) Дворъ удѣльнаго князя (XIII—XIV вв.). *А. М. Васнецова.*

III. Московская Русь.

11) Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси, *С. В. Иванова.*
12) Святѣйшій патріархъ, *С. В. Иванова.*
13) Боярская Дума (XVI—XVII вв.), *С. В. Иванова.*
14) Земскій Соборъ (XVII в.), *С. В. Иванова.*
15) Въ Приказѣ Московскихъ временъ, *С. В. Иванова.*
16) Судъ въ Московскомъ государствѣ, *С. В. Иванова.*
17) Пріѣздъ воеводы, *С. В. Иванова.*
18) Смотръ служилыхъ людей (XVI—XVII вв.). *С. В. Иванова.*
19) На сторожевой границѣ Московскаго государства, *С. В. Иванова.*
20) Стрѣльцы, *С. В. Иванова.*
21) Юрьевъ день, *С. В. Иванова.*
22) Площадь въ городѣ Московскихъ временъ, *А. М. Васнецова.*
23) Монастырь въ Московской Руси (XIII—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
24) Школа въ Московской Руси, *Б. М. Кустодіева.*
25) Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ (XVI—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
26) Въ смутное время, *С. В. Иванова.*
27) Во времена раскола, *С. В. Иванова.*

IV. Всероссійская Русь.

28) Въ Нѣмецкой слободѣ, *А. Н. Бенуа.*
29) Солдаты Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
30) Флотъ Петра Великаго, *Е. Е. Лансере.*
31) Засѣданіе Сената Петровскихъ временъ, *Д. Н. Кардовскаго.*
32) Постройка канала при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
33) Въ школѣ временъ Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
34) Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
35) Петръ Великій, *В. А. Сѣрова.*
36) Императрица Анна и ея дворъ (1730—1740), *Д. Н. Кардовскаго.*
37) Цесаревна Елизавета у Преображенск. казармъ 25 нояб. 1741 г., *Е. Е. Лансере.*
38) Выходъ императрицы Екатерины II, *А. Н. Бенуа.*
39) Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ, *А. Н. Бенуа.*
40) Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена, *А. Н. Бенуа.*
41) Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII, нач. XIX вѣка, *А. Н. Бенуа.*
42) Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ I (1796—1801), *А. Н. Бенуа.*
43) Въ разоренной Москвѣ (1812 г.), *М. В. Добужинскаго.*
44) Въ военномъ поселеніи, *М. В. Добужинскаго.*
45) Декабристы, *Л. О. Пастернака.*
46) Ученье солдатъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
47) Городъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
48) Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ, *Л. О. Пастернака.*
49) Люди 40-хъ годовъ, *Л. С. Бакста.*
50) Освобожденіе крестьянъ, *Б. М. Кустодіева.*

Картины по русской исторiи,

изданныя подъ общей редакцiей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 22.



А. М. Васнецовъ. Площадь въ городѣ московскихъ временъ.



Изданiе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1909.



Поставщ. Двора Его Величества Т-во Скоропеч. А.А. Левенсонъ
Москва, Тверская, Мамоновскій пер., С.Д.



Площадь въ городѣ Московскихъ временъ.

Картина изображаетъ площадь въ большомъ городѣ Московскихъ временъ. Тогда городомъ называли не совсѣмъ то, что мы теперь разумѣемъ подъ этимъ словомъ. Подъ словомъ городъ разумѣли собственно укрѣпленное, «огороженное» средоточіе всего поселенія. Эта укрѣпленная середина всего поселенія называлась еще «кремль», т.-е. крѣпость. Стѣны городской крѣпости рѣдко бывали тогда сдѣланы изъ камня, а чаще были деревянныя, частоколомъ или «въ срубъ» стоявшія по высокому, плотно убитому земляному валу. По угламъ стѣнъ возвышались двухъ и трехъ-ярусныя башни. Внутрь укрѣпленія вели нѣсколько воротъ подъ проѣздными башнями; широкій ровъ съ подъемными мостами передъ воротами опоясывалъ весь городъ. Въ самомъ городѣ стояла соборная церковь, съѣзжая или приказная изба, гдѣ сидѣлъ воевода, судилъ и рядилъ; губная изба, гдѣ разбирались и рѣшались дѣла уголовныя; казенный погребъ или амбаръ, гдѣ хранилась пороховая и пушечная казна; тюрьма, святительскій дворъ, т.-е. домъ мѣстнаго архіерея; воеводскій дворъ; осадные дворы сосѣднихъ помѣщиковъ, служилыхъ людей.

За стѣною города расположился посадъ, гдѣ жили горожане, или, по-тогдашнему, посадскіе люди. Здѣсь находилась большая площадь, съ гостиннымъ дворомъ, или рядами, т.-е. лавками мѣстныхъ купцовъ; въ торговые дни на этой же площади становились возы пріѣзжихъ изъ округи со всякимъ товаромъ продавцовъ.

Торговыя заведенія были бѣдны, какъ бѣдна и неказиста была сама тогдашняя торговля. Лавки гостиныхъ дворовъ были затворяющіяся и не затворяющіяся на ночь. Изъ послѣднихъ товаръ сносился на ночь въ лавки съ затворами, за что бралась особая пошлина. Ночной сторожъ, крѣпкій огромный замокъ и злая цѣпная собака охраняли ночью товаръ купца. Товары лежали въ лавкахъ въ осо-

быхъ коробахъ. Сапоги, шапки, кушаки были развѣшаны на шестахъ. Эти шесты съ навѣшаннымъ по нимъ товаромъ отдавались на ночь особымъ сторожамъ подъ охрану. Лавки въ гостиномъ дворѣ располагались рядами, и каждый рядъ именовался по главному предмету торга основавшихся въ немъ купцовъ, или по ихъ происхожденію. Такъ въ Московскомъ Гостинномъ дворѣ были ряды Тверской, Московскій, Костромской, Ножовый, Мясной, Охотный и т. д.

Для житья прiѣзжихъ купцовъ на Гостиномъ дворѣ устроено было особое подворье, гдѣ за опредѣленную плату съ человѣка прiѣзжiй купецъ получалъ столъ и ночлегъ.

На посадской площади стояла и земская изба, средоточiе мiрского управленiя; здѣсь сидѣли земскiе старосты съ выборными посадскими людьми и вѣдали все городское общественное хозяйство. Тутъ же на площади находилась таможня, гдѣ собирали пошлину со всѣхъ привезенныхъ въ городъ товаровъ; кружечный дворъ, гдѣ происходила торговля виномъ и было сосредоточено наблюденiе за этой торговлей; конская изба, подъ вѣдѣнiемъ которой состояли сборы съ торговли лошадьми др. зданiя казенно-мѣстной управы.

Посадская площадь была самымъ оживленнымъ мѣстомъ въ городѣ. Здѣсь постоянно былъ народъ, больше всего, конечно, праздношатающихся и холопей. Сюда шли покупать и продавать, потолкаться просто въ народѣ, поглядѣть другихъ, показать себя. Здѣсь стоялъ немолчный шумъ и гамъ, сообщались новости и слухи, во всю глотку кричали здѣсь воеводскiе бирючи новыя правительственныя распоряженiя, а нищiе тянули своего Лазаря; мѣстный юродивый, юродствуя Христа ради, толкался тутъ же, и за нимъ неотступно, благоговѣйно слушая его полубредъ, полунамеки на злобы дня, ходила толпа, ожидая, что-то скажетъ, или сдѣлаетъ «угодничекъ», не будетъ ли отъ него знаменья какого. Особенно оживлены были тѣ мѣста, гдѣ продавали нитки, холсты, кольца, румяна, бѣлила и т. п. товары; женщины, покупавшiя и продававшiя эти товары, шумѣли такъ, что съ непривычки можно было подумать, что горитъ городъ, или случилось что-нибудь необыкновенное. Кому нужно было написать прошенiе, узнать, какъ надо подавать въ судъ жалобу—тотъ шелъ тоже на площадь, и площадные подьячiе, сразу почуявъ

добычу, окружали такого неопытнаго обывателя и теребили его со всѣхъ сторонъ, назойливо предлагая свои услуги. Кому нужно было отслужить дома молебенъ или всенощную, тотъ тоже шелъ на площадь и приглашалъ безмѣстнаго, т.-е. безприходнаго батюшку: ихъ всегда стояло нѣсколько на площади. На площадь выносили въ гробахъ тѣла тѣхъ, кого не на что было похоронить, и сердобольные прохожіе, положивъ глубокій поклонъ за упокой души несчастнаго усопшаго, клали на разостланный возлѣ гроба платъ кто сколько могъ. На площади вертѣлись заѣзжіе скоморохи (въ правомъ углу картины) и медвѣжьи поводыри, чинно проходили странники. Здѣсь же, прямо на улицѣ, стригли и отворяли кровь своимъ кліентамъ цырюльники, и площадь возлѣ ихъ мѣстъ была густо покрыта остриженными волосами. (См. въ лѣвомъ углу картины).

Тутъ былъ и богатый и бѣдный, чиновный и простой. Самъ воевода не гнушался показаться на торгу, куда пріѣзжалъ въ «каптанѣ»-каретѣ — посмотрѣть, какого товару навезли съ Москвы и съ городовъ купцы; на картинѣ въ толпѣ, въ серединѣ, виденъ «земскій ярыжка» — тогдашній низшій полицейскій чинъ при воеводской канцеляріи въ своемъ служебномъ кафтанѣ, на груди катораго нашиты буквы „З“ и „Я“; здѣсь же предлагаютъ свой товаръ голосистыя торговки калачами и всякой мелочью, расхваливая свое добро складными пѣвучими прибаутками; возвращающійся изъ крѣпости со службы въ шлемѣ и съ мечомъ воинъ спѣшитъ домой въ посадъ, думая только объ одномъ—какъ бы поскорѣе выбраться изъ этой сутолоки.

Словомъ, на площади было на что посмотрѣть и старому и малому. На картинѣ и изображена такая площадь на посадѣ одного изъ городовъ Московскаго государства XVI или XVII в. Вдали кремль съ подъемнымъ мостомъ; на площади многоглавая деревянная причудливой архитектуры церковь съ колокольней, воздвигнутая, бытьможетъ, усердіемъ торговцевъ. Направо «мытная» каменная изба, гдѣ собираютъ всякія пошлины за куплю и продажу, гостиный дворъ и казенные вѣсы; налѣво лавочки съ разнымъ мелкимъ товаромъ.

Отъ посадской площади во всѣ стороны расходились улицы, которыя звались, обыкновенно, по церквамъ, стоявшимъ на этихъ

улицахъ, а иногда по занятію обывателей. По краямъ улицъ или на перекресткахъ воздвигались образа на столбахъ, иногда въ очень фигурно вырѣзанныхъ кіотахъ-часовенкахъ. Улицы были, вообще, довольно широки, прямы, но очень грязны въ распутицу и страшно пыльны въ жару, завалены сугробами снѣга зимой, а во всѣ времена года на улицѣ валялась всякая нечистота и падаль, которую жители безъ стѣсненія выбрасывали со своихъ дворовъ. Только въ Москвѣ и въ немногихъ большихъ городахъ часть улицъ была какъ бы вымощена круглыми длинными и короткими деревяшками, расположенными поперекъ улицы плотно одна къ другой. Гдѣ было ужъ совсѣмъ невылазно грязно, тамъ черезъ улицы перекидывали доски. Мощеніе улицъ и наблюденіе хоть за нѣкоторою ихъ благопристойностью лежало на старостахъ, но производилось жителями улицъ. Ходить по улицамъ въ грязную пору приходилось въ огромныхъ сапогахъ, чтобы не увязнуть.

Въ большихъ городахъ къ услугамъ пѣшеходовъ были извозчики; въ Москвѣ, на Красной площади, ихъ стояло очень много съ маленькими санками зимой и тележками лѣтомъ, запряженными въ одну лошадь. Извозчикъ сидѣлъ не въ экипажѣ, а верхомъ на лошади, везшей экипажъ. За деньгу онъ скакалъ какъ бѣшеный, по словамъ одного иностранца, съ одного конца города на другой; поминутно крича во все горло: гись! гись! т.-е. берегись. На извѣстныхъ мѣстахъ извозчикъ останавливался и не везъ далѣе, пока не получалъ еще деньгу. Встрѣтясь съ другимъ извозчикомъ, московскій извозчикъ согласится скорѣе сломать у себя ось или колесо, а уже не свернетъ съ дороги, не уступитъ проѣзда встрѣчному.

Улицы на ночь загораживались положенными поперекъ рогатками — «рѣшетками». Какъ только зажигались вечеромъ огни, около этихъ загородокъ становились сторожа, «рѣшеточные», которые никому не позволяли ходить позже урочнаго часа. Ходить ночью по городу позволено было только при крайней нуждѣ и непремѣнно съ фонаремъ. Всякій ѣхавшій или шедшій ночью безъ фонаря считался воромъ или лазутчикомъ, и его немедленно арестовывали.

Тѣмъ не менѣе ночные грабежи и убійства на улицахъ тогдашнихъ русскихъ городовъ были довольно часты. По словамъ иностран-

цевъ-современниковъ, въ Москвѣ ночи не проходило, чтобы кого-нибудь не убили. Помощи ждать несчастному, на котораго напали, было не откуда—ночные сторожа часто сами промышляли ножомъ, да и было ихъ немного, а изъ обывателей, какъ разсказываетъ одинъ иностранецъ, «ни одинъ не рѣшится высунуть голову изъ окна, а не то что выйти на крики о помощи». Количество убитыхъ увеличивалось въ праздничное время.

Лихіе люди часто поджигали дома жителей, чтобы воспользоваться суматохой при пожарѣ и пограбить. Пожары въ старыхъ русскихъ деревянныхъ городахъ были обычнымъ зломъ. Пожаръ, истреблявшій въ Москвѣ сотню-двѣ домовъ, даже и не считался большимъ, и память оставлялъ по себѣ лишь такой, жертвой котораго было семь или восемь тысячъ дворовъ! Борьба съ пожарами была устроена совсѣмъ плохо: даже въ Москвѣ, обыкновенно, ограничивались тѣмъ, что разламывали около начавшагося пожара дома, разрушая домовъ по 10 или 20 съ каждой стороны и оттаскивая дерево прочь, чтобы не дать пищи огню. При дешевизнѣ и крайней незатѣйливости тогдашнихъ построекъ о сгорѣвшихъ и сломанныхъ домахъ жалѣли мало. Дома покупались готовые на рынкѣ; да что дома—колокольню можно было купить готовую на тогдашнемъ рынкѣ! Другой вопросъ—каковы были эти дома и колокольни, но разобрать такой домъ, привести его на мѣсто и собрать вновь стоило недорого. Въ Москвѣ были плотники, которые строили такой домъ въ однѣ сутки.

По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись дворы жителей, въ которыхъ стояли «изба (теплое жилье), да баня съ передбанникомъ, да клѣть съ подклѣткомъ, да надпогребица». На улицу выходитъ часто только заборъ или плетень, окружавшій все это нехитрое жилье, красная цѣна которому была иной разъ всего три тогдашнихъ рубля, или нынѣшнихъ рублей 70—80, дома получше стоили 14 и даже 40 рублей тогдашнихъ.

Зимою жить въ такихъ избахъ еще было сносно: хоть и угарно, да тепло, но зато лѣтомъ приходилось иногда порядкомъ померзнуть. Только, бывало, наступитъ весна, и установится теплая погода, по городу, по посаду, по площади ходятъ бирючи, машутъ короткой

палкой, на концѣ которой укрѣпленъ вырѣзанный изъ желѣза или мѣди гербовый орелъ, и кричатъ:

«Заказано накрѣпко, чтобы избъ и мыленъ никто не топилъ, вечеромъ поздно съ огнемъ никто не ходилъ и не сидѣлъ; а для хлѣбнаго печенья и гдѣ ѣсть варить подѣлайте печи въ огородахъ и на полыхъ мѣстахъ въ землѣ, подальше отъ хоромъ; отъ вѣтру печи огородите и лубьями ущитите гораздо».

Не довольствуясь однимъ объявленіемъ всѣмъ вслухъ, для пущаго береженья возьмутъ, бывало, да еще запечатаютъ воеводской печатью избы и бани. Обывателю приходилось тогда переселяться въ клѣть и вволю стучать зубами, если случайно завернутъ поздніе холода; иному тогда и горячимъ чѣмъ-нибудь согрѣться нельзя: печь въ огородѣ развалилась, а новой складь некому; ни одного каменщика въ городѣ не осталось, всѣхъ вытребовали на казенную работу, на постройку каменной крѣпости.

Среди дворовъ съ нехитрымъ строеніемъ, избами, клѣтями, виднѣются церкви, тоже не очень хитраго дѣла, рѣдко каменныя, чаще деревянныя. Подлѣ церквей расположены дома священниковъ и причта.

При церквахъ находились также богадѣльни, или домы для нищей братіи. Около каждой церкви располагалось кладбище. Въ концѣ города, гдѣ-нибудь на окраинѣ, стоялъ убогій домъ, гдѣ хоронили тѣла казненныхъ смертію преступниковъ, людей умершихъ въ государевой опалѣ, сосланныхъ, опившихся, самоубійцъ, утопленниковъ.

Если не считать присланнаго въ городъ изъ Москвы воеводу, управлявшаго въ XVII вѣкѣ всѣмъ уѣздомъ, бывшаго представителемъ верховной власти, то первымъ лицомъ въ городѣ былъ земскій городовой или всеуѣздный староста, котораго уѣздные сельскіе обыватели и посадскіе, т.-е. крестьяне и городскіе жители, выбирали на сходкѣ изъ своей среды.

Какъ только выберутъ въ посадѣ земскаго старосту, подьячій пишетъ запись, а всѣ избиратели подписываютъ ее. Въ записи говорилось: «Всѣ посадскіе люди такого-то города выбрали и излюбили на мірскую службу къ старосты такого-то; вѣдать ему въ міру всякія дѣла и объ нихъ радѣть, а намъ, мірскимъ людямъ, его слу-

шать; а не станемъ его слушать, и ему насъ вольно къ мірскому дѣлу нудить, а міру никакой грубости ему не учинить, а что міру отъ его грубости учинится, за то онъ отвѣтитъ».

При земскомъ старостѣ всегда устраивался совѣтъ изъ выборныхъ же посадскихъ и крестьянъ.

Главнымъ предметомъ совѣщаній земскихъ старостъ съ совѣтными людьми въ земской избѣ была раскладка податей, выборъ окладчиковъ, т.-е. сборщиковъ податей, выборъ цѣловальниковъ, т.-е. людей, которымъ, подъ присягу ихъ, поручалось отбывать какое-нибудь казенное дѣло въ городѣ—вѣдать кабацкое дѣло, собирать таможенные сборы, вѣсить казенную соль и т. п.

Въ земской избѣ приговаривали раздѣлить пахатную землю во всѣхъ городскихъ трехъ поляхъ впредь до слѣдующаго же мірского раздѣла между всѣми посадскими, но съ условіемъ, чтобы никто изъ посадскихъ не смѣлъ отдавать свою долю земли постороннему человѣку ни на одинъ годъ и ни на одно лѣто, а если кто отдастъ, то у него отберутъ землю обратно на міръ. Наконецъ въ земской избѣ толкуютъ обо всѣхъ нуждахъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, обо всѣхъ случаяхъ, о которыхъ нужно довести до свѣдѣнія мѣстнаго начальства—воеводы, или надо дать знать въ Москву. И на дворъ къ воеводѣ и въ Москву отправляется земскій староста. Онъ—представитель посадскихъ и уѣздныхъ людей, онъ всегда впереди ихъ всѣхъ, отвѣчаетъ и бьетъ челомъ «во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто».

Посадскіе тяглые люди XVI и XVII вв. платили дани и оброки, деньги на кормъ воеводамъ, въ подмогу подьячимъ, сторожамъ, палачамъ, тюремнымъ и губнымъ цѣловальникамъ; на строеніе воеводскихъ дворовъ, губныхъ избъ, тюремъ; въ приказную избу на свѣчи, бумагу, чернила и дрова; прорубныя деньги — за позволеніе зимой въ прорубяхъ воду брать, платье мыть и скотъ поить. Кромѣ того, тяглые люди обязаны были строить и чинить стѣны города, строить мосты и насыпать гати.

Это все были постоянные сборы и повинности, но бывали еще и сверхурочные, напримѣръ, сборы на военныя надобности. Начнется война—сейчасъ же приходитъ въ городъ указъ изъ Москвы: собирать

съ обывателей пятую, десятую или двадцатую деньгу, смотря по нуждѣ казны. Идутъ тогда одинъ за другимъ посадскіе люди въ земскую избу и объявляютъ передъ старостой и выборными, «по святой непорочной евангельской заповѣди Христовой», правду, что каждому и сколько доводится заплатить отъ своихъ животовъ и промысловъ, т.-е. съ капиталовъ и доходовъ.

Утаить нечего и пробовать: товарищи, торговые люди, что тутъ же въ избѣ въ окладчикахъ сидятъ, хорошо знаютъ торговлю и промыслы каждаго, не задумываясь, скажутъ и положатъ, сколько надо взять для великаго государева дѣла съ любого изъ своихъ согражданъ. А если кто изъ плательщиковъ объявитъ облыжно, что обнищалъ онъ въ конецъ и платить ему не изъ чего, то его ставили на правёжъ.

Привязывали къ столбу около земской избы и били палками по икрамъ каждое утро, пока не выколачивали слѣдуемыхъ съ него денегъ. Но иные, особенно упорные, переносили самые крѣпкіе удары, а денегъ не платили; тогда упорному неплательщику показывали указъ, который гласилъ: «Если посадскіе люди на правежу начнутъ отстаиваться и денежныхъ доходовъ платить не станутъ, у такихъ дворы ихъ, лавки и имѣніе отписывать на великаго государя», т.-е. въ казну.

Кромѣ уплаты податей и различныхъ чрезвычайныхъ сборовъ, посадскіе люди XVI и XVII вв. должны были отбывать нѣкоторыя казенныя службы и, прежде всего, собирать эти самыя подати и повинности. Самая тяжкая по отвѣтственности служба для посадскихъ людей была служба въ «вѣрныхъ головахъ» или «вѣрныхъ цѣловальникахъ» при продажѣ вина на казенномъ кружечномъ дворѣ, гдѣ только и можно было тогда купить вина. Правда, лучшимъ посадскимъ людямъ дозволялось курить вино и варить пиво понемногу по случаю большихъ праздниковъ и особенныхъ семейныхъ торжествъ—свадьбы, родинъ, крестинъ, поминокъ; среднимъ и младшимъ по достатку людямъ курить вино совсѣмъ не позволялось, они могли только къ торжественнымъ случаямъ сварить немного пива и меду, да и то должны были дать знать объ этомъ на кружечный дворъ и заплатить явочныя пошлины. Но явятъ немного, а выку-

рять вина и наварять меда и пива много, станутъ даже продавать тайкомъ отъ цѣловальниковъ. Цѣловальники кружечнаго двора, оберегая доходы казны и свою спину и карманъ, [которые за эти доходы отвѣчали, должны были зорко слѣдить, чтобы такихъ случаевъ не было.

А услѣдятъ—надо было накрыть врасплохъ продавцовъ, «вынуть», т.-е. отобрать запрещенный товаръ, взыскать убытки. Смотрѣть сквозь пальцы на подобные случаи не приходилось: вѣрный голова и цѣловальники отвѣчали своими средствами за недоборъ кабацкихъ денегъ, а когда не были въ состояніи возмѣстить недоборъ, имъ грозилъ правёжъ и отписка «животовъ» на государя. Затѣмъ посадскіе люди должны были нести полицейскую службу: изъ нихъ выбирались десятскіе, пятидесятскіе и сотскіе — тогдашніе городовые, околоточные и пристава. Случалось, что одинъ и тотъ же посадскій человѣкъ несъ двѣ или три службы заразъ. Все это тяжело лежало на посадскомъ населеніи и заставляло его всячески избѣгать этихъ тягостей.

Посадскіе уходили изъ города, гдѣ приходилось тяжело, въ другой, бѣжали въ уѣздъ, скрывались въ степь. Города пустѣли. Это было тяжело для остававшихся обывателей, потому что казна знать ничего не хотѣла, что городъ обезлюдѣлъ, требовала того же количества сборовъ, какое получалось раньше, и взыскивала недоборъ съ остававшихся, такъ что остававшимся приходилось платить больше съ каждаго двора. Но отъ этого они только нищали, а неоплатные казенные недоборы возрастали. Тогда правительство стало преслѣдовать и наказывать бѣгство посадскихъ людей изъ городовъ. Въ 1638 году приказано было отыскивать и сажать на старыя мѣста всѣхъ посадскихъ, которые вышли изъ посадовъ до смуты.

По Уложенію царя Алексѣя Михайловича было запрещено посадскимъ переходить изъ одного посада въ другой. Всѣхъ тѣхъ, которые сами или отцы ихъ были посадскими, а потомъ ушли и занялись другимъ дѣломъ, хотя бы даже и продались въ холопы комунибудь, велѣно было снова водворить на посады. Если вдова какоголибо посадскаго человѣка выходила замужъ за вольнаго, то его дѣлали тоже посадскимъ человѣкомъ. Вольные люди, женившіеся на

посадскихъ дочеряхъ и взятые своими тестями или зятьями въ домы, должны были становиться посадскими людьми. Посадскіе люди, жившіе прежде въ городѣ и платившіе тягло, а потомъ поступившіе въ стрѣльцы и тѣмъ освободившіеся отъ уплаты налоговъ, должны были вернуться въ посадъ. Въ 1658 году была постановлена смертная казнь за переходъ изъ посада въ посадъ, за женитьбу посадскаго на крестьянкѣ безъ отпускной, за выходъ замужъ посадской дѣвушки за крестьянина безъ отпускной отъ города!

По своей способности нести тяглую службу, т.-е. по своей состоятельности, посадское населеніе Московскаго государства раздѣлялось на особые разряды—лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей. Отличались эти разряды одинъ отъ другого размѣрами того тягла, тѣхъ платежей, какіе они несли государству, и тяжестью службы или казенныхъ порученій, какія государство на нихъ возлагало. Дворъ лучшаго посадскаго человѣка несъ тягло вдвое больше, сравнительно со дворомъ среднаго посадскаго, а средній посадскій несъ тягло вдвое большее, нежели дворъ младшаго посадскаго человѣка.

Лучшіе посадскіе люди несли и болѣе отвѣтственныя службы по сбору податей и налоговъ, отвѣчая передъ правительствомъ за вѣрность и полноту сборовъ своимъ имуществомъ.

Такъ жилъ городъ Московской Руси, добывая торговлей и промысломъ средства на защиту государства отъ его враговъ, тѣсно обложившихъ въ то тревожное время московскія границы.

Городъ, такъ-сказать, оплачивалъ эту защиту: это было его назначеніе въ государственной жизни. Съ этой цѣлью въ жизни городского населенія все устраивалось такъ, чтобы оно къ этому дѣлу было крѣпко. Ради этого торговля признавалась исключительно городскимъ занятіемъ, для этого же, въ видахъ удобства и вѣрности сбора казенныхъ доходовъ, самый сборъ былъ порученъ выборнымъ изъ среды горожанъ за отвѣтственностью и порукой избирателей.

С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XIII. *Н. Д. Чечулинъ*, «Города Московскаго государства въ XVI в.».

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

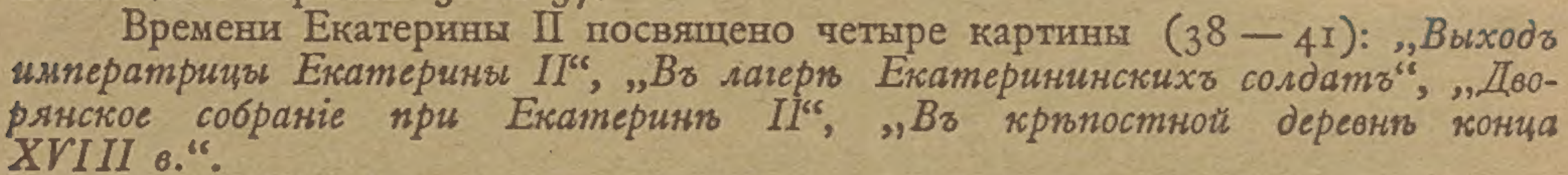
Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Карт. 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ— взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великаго, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всероссійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, ... ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указ... реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуе... какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фавор... посвящены картины 36 и 37.



Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38 — 41): *„Выходъ императрицы Екатерины II“*, *„Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ“*, *„Дворянское собраніе при Екатеринѣ II“*, *„Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.“*.

Картина (42) *„Вахтпарадъ императора Павла I“* характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), *„Декабристы“*, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46 — *„Ученье рекрутъ въ Николаевское время“*.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ явившейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая *„Городъ Николаевскихъ временъ“*, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина *„Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ“* (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) *„Люди 40-хъ годовъ“*.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Москва.